

© 2001 г., ЭО, № 3

И.М. Сампиев

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ: АНАЛИЗ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Исследование такой сложной общественно-политической проблемы, как самоопределение народов, невозможно без анализа идейно-политических подходов, безоговорочно связанных с определенными общественно-политическими течениями. Поскольку теоретическое осмысление рассматриваемой проблемы в рамках либеральной, социально-демократической, коммунистической и фашистской доктрин достаточно полно отражено в специальных исследованиях, мы заострим внимание на ином аспекте теоретической рефлексии. В своей известной «Идеологии и утопии» К. Манхейм убедительно обосновывает тезис о детерминированности познания социально и политически: «В области политики теоретик связан с определенным политическим течением, с одной из борющихся сил не только в своих волевых импульсах; характер постановки вопросов, весь тип его мышления вплоть до использования им понятийного аппарата – все это с такой очевидностью свидетельствует о влиянии определенной политической и социальной основы, что в области политического и исторического мышления следует, по моему мнению, говорить о различии стилей мышления, различии, которое простирается даже на логику»¹.

Этот методологический прием применительно к проблеме самоопределения народов или – шире – к национальному вопросу позволяет раскрыть специфику идейно-политических подходов в этой сфере. Сравнительный анализ позиций различных социально-политических течений по вопросу самоопределения народов приводит к интересным выводам. Во-первых, подтверждается мысль К. Манхейма относительно социально-политической детерминированности мышления теоретиков разных течений, включая и логику их мышления. Во-вторых, в рамках одного и того же течения социально-политической и философской мысли обнаруживаются синхронные по времени противоречия в идейно-политических взглядах на один и тот же объект. В-третьих, можно наблюдать не только синхронное, но и диахронное, с разрывом во времени, совпадение взглядов и аргументации представителей разных течений. В-четвертых, обнаруживается явление как бы эстафеты во времени определенных идейно-теоретических позиций, меняющих сообразно изменяющимся общественно-политическим условиям свои обозначения, но не сущностное содержание. Таким образом, идейно-политические подходы в области национального вопроса, в частности к проблеме самоопределения народов, имеют свою специфику. Содержание этой специфики затронуто выше, но какова же ее основная причина?

В качестве рабочей гипотезы выдвинем следующее утверждение: основная детерминанта направленности идейно-теоретических подходов к самоопределению народов – это специфика его (самоопределения) субъекта. В самом деле, политический аналитик связан не только с определенным теоретическим течением, влияющей на него политической и социальной базой, но и с определенным народом (нацией, этносом). Это не значит, что идентификация исследователя с тем или иным народом всегда однозначно обуславливает его позицию, как не всегда связь с определенной социально-политической основой определяет его взгляды. Но это обстоятельство довольно убедительно объясняет, почему в рамках одного и того же теоретического течения могут

одновременно существовать различные, порой противоположные идейно-политические подходы к проблеме самоопределения народов и – шире – к национальному вопросу.

Вместе с тем остаются еще две методологические трудности, о которых сказано выше. Логически развивая нашу рабочую гипотезу, необходимо установить, в чем заключается специфика субъекта самоопределения в рассматриваемом аспекте. В литературе часто выделяют в праве народов (наций) на самоопределение внешнюю и внутреннюю стороны. В соответствии с первой из них, народ свободно устанавливает свой международно-правовой (т.е. государственный) статус; согласно второй, – культурный, социально-политический и экономический статусы в рамках существующего государства. Таким образом, только единство этих двух сторон составляет содержание права на самоопределение². Любой народ не только обладает определенным политическим статусом, но и имеет право на его изменение. Следовательно, именно в наличии этого статуса и возможности его изменения заключается специфика народа как субъекта самоопределения.

Особенно важно для нас то, что статус народа не есть постоянная во времени характеристика последнего. Как показывает исторический опыт, политический статус может изменяться в короткие по историческим меркам сроки. Очевидно, и идейно-политические подходы не могут оставаться теми же самыми, поскольку изменяются сами экзистенциальные основания бытия народа, а вслед за ними и мировоззренческие позиции автора. Во французской Декларации прав 1795 г. провозглашается: «Каждый народ, из какого бы числа членов он ни состоял и на какой бы территории он ни жил, является независимым и суверенным. Этот суверенитет неотчуждаем». Однако те же права не признаются за поработенными Францией народами: «к французским колониям и владениям в Азии, Африке и Америке, хотя они и представляют собой часть Французской империи, не относится данная конституция»³. Либералы Франции, борющиеся в эпоху Великой Французской революции с принципом легитимизма, выдвинутого идеологом абсолютизма Ф.Р. Шатобрианом и закрепленного в решениях Священного Союза 1818, 1820 и 1822 гг., взяли его на идейное вооружение в XX столетии для обоснования «антиконституционности» требований алжирской нации на свободу.

Здесь налицо как совпадение аргументации и взглядов представителей различных течений (консервативного, абсолютистского и либерального), так и эстафета во времени принципа легитимизма, получившего в новых условиях название «конституционной доктрины», но не изменившего своей сущности. В. Вильсон, президент Соединенных Штатов Америки – пионер в деле «неконституционного» самоопределения – в XX в. считал, что единственно доступный способ осуществления права народов на самоопределение – конституционный путь. Х. Чайд раскрывает его смысл: «Соединенные Штаты установили, что при смене правительства требуется соблюдение конституции, и в соответствии с этим проявляли склонность воздерживаться от признания режима, достигшего успеха посредством революции или государственного переворота»⁴.

Эмпирических материалов для подтверждения нашей рабочей гипотезы можно привести достаточно много. Как же влияет изменение статуса народа на стиль мышления теоретика, не имеющего национальной (этнической) самоидентификации? Хотя на практике это мало возможно, но в теории важно. Философское обоснование картины мира предопределяется социально-политическим бытием: независимо от самоидентификации теоретика в национальном плане, экзистенциальная предопределенность его мышления бесспорна. Социально-политическое бытие определяется главным образом статусом демоса (народа). Таким образом, опосредованно статус народа обуславливают познание, стиль мышления теоретика, который через политическую философию, ту или иную политическую концепцию мира стремится к воздействию на социально-политическую реальность. Конечно, эта схема страдает известным упрощением. На деле детерминация идейно-теоретических подходов к национальному вопросу, к самоопределению народов несет в себе еще и элемент субъективности, поскольку народ как субъект самоопределения обладает коллективным сознанием и

самосознанием, а также некими общими политической культурой, менталитетом, традициями и т.п.

С нашей точки зрения, духовные, социально-культурные факторы могут самостоятельно и вкупе с объективными и социально-политическими факторами определять идейно-теоретические концепции и стиль мышления политика или теоретика. Отсюда и важный вывод о том, что перевод теоретических концепций в сферу социально-политической практики не может быть полностью рациональным и адекватным социальной реальности. Следовательно, в этом случае с необходимостью возникает требование ценностно-рационального «посредника» между теоретическими выкладками и социальной реальностью. Такими «посредниками» выступают идейно-политические подходы к проблеме самоопределения, поскольку в отличие от цельной политической идеологии такие подходы не представляют собой стройной системы и могут изменяться в рамках последних от полного признания принципа самоопределения до его отрицания. Объективно идейно-политические подходы к самоопределению политических аналитиков и практиков находящиеся в одних и тех же социально-политических условиях и принадлежащих к одному политическому направлению, но к различным народам, будут различны. Понимание этого обнаруживается и в словах Конфуция: «Когда пытаются осуществить путь в отрыве от народа, это уже не путь».

Возвращаясь к вопросу о детерминированности познания, можно логически прийти к выводу и о конфессиональной детерминированности мышления. В самом деле, каждая конфессиональная группа обладает той или иной духовной социокультурной самостью и определенным потенциально изменяемым интегральным статусом. То же рассуждение применимо и к понятию культурно-цивилизационного типа. Не развивая далее эту тему, констатируем для целей нашего исследования следующее: познание детерминировано политически, социально, социально-культурно, духовно. Эта детерминированность есть основная причина одних и тех же идейно-политических подходов к самоопределению народов в рамках различных течений философской и политической мысли. Идейно-политические концепции в национальном вопросе рефлексивно воспроизводят потребности и интересы (в том числе духовные, субъективные) тех народов, социальных групп и политических партий, с которыми связан политический аналитик или практик. Как пишет А. Панарин, политическому аналитику трудно оставаться вовсе не ангажированным; чаще всего его «рационалистическая миссия» ограничивается тем, что он обращает обескураживающие распознавательные процедуры против тех сил, которые ему не симпатичны; в отношении же группы, с которой он больше себя идентифицирует, он более склонен искать способы социокультурной легитимации особых интересов, выдавая их за очередное воплощение «исторического разума»⁵.

Учитывая сложность создания всеохватывающей типологии идейно-политических подходов к самоопределению народов, есть смысл предложить относить все существующие теоретические работы по этому вопросу к трем основным идейно-политическим платформам: 1) отрицания права на самоопределение; 2) условного или ограниченного признания; 3) позитивного подхода. Предложенная схема позволяет группировать совокупность работ по самоопределению народов таким образом, что снимаются противоречия в подходах к этой проблеме, о которых было сказано выше.

Используя понятие К. Манхейма об идеологиях и утопиях, можно проследить связь рассматриваемых нами концепций с ориентацией сознания или стилем мышления их авторов. Тогда идейно-политические подходы к проблеме самоопределения, нацеленные на консервацию существующего status quo, следует рассматривать как идеологии (отрицательные и условно-ограничительные концепции), а позитивные подходы признать утопиями, т.е. преследующими цель изменить данное социальное устройство. Подобная классификация позволяет понять, как с изменением социально-политического статуса субъекта самоопределения происходят трансформации идеологий самоопределения в утопии или утопий в идеологии в зависимости от понижения или повышения статуса народа.

Проиллюстрируем это на примере еврейской идейно-политической концепции сионизма. В течение десятилетий сионизм ставил своей целью государственное самоопределение еврейского народа в Палестине: «Мы обязаны думать в какой бы то ни было форме – как вновь – какими бы то ни было путями и средствами – овладеть нашей древней родиной, землей отцов, и восстановить еврейское государство»⁶. Сионизм до 1947 г. с уверенностью можно отнести к утопиям, ведь его теоретические установки нацеливали на ломку существовавшего социального порядка. Это вполне осознавали и сами сионисты: «Конечно, и там мы столкнемся с сопротивлением, и нет уверенности, что и там нам не скажут, как во всех иных местах: уходи отсюда, чтобы здесь мог жить я». Но как только они добились государственного самоопределения, сионизм превратился в идеологию, охраняющую новый социальный status quo. Добившись самоопределения для себя, сионисты отказывают в таком же праве палестинцам. Более того, израильтяне оккупируют территорию Иордании, не особенно утруждая себя оправданием своей аннексии. Просто, по словам З. Жаботинского, «миру между нами нет места»⁷.

Можно проследить эту трансформацию и то, как сионисты, невольные свидетели только те элементы, которые направлены на изменение их положения, после обретения евреями государственного суверенитета оказались не в состоянии угледеть факторы, могущие подорвать их уверенность в собственном господстве. В свое время еврейский историк С.М. Дубнов писал по поводу польского национализма: «Когда же... видишь, как борющаяся за свою автономию угнетенная нация заранее, в ожидании победы, показывает когти, которыми она будет душить культурную автономию живущей в ее среде еще более угнетенной нации (евреев. – *И.С.*), – мы говорим нашим братьям: помните о вашем оборонительном национализме, который для вас должен быть так же дорог и чист, как ненавистен наступательный национализм, выражающийся в грубых попытках русификации, полонизации и т.п.»⁸. Из этого примера можно сделать и такой вывод: трансформация утопического подхода в идеологический возможна не только по факту в объективной, но и в «субъективной реальности», т.е. духовном мире носителей прежней утопии, в сознании которых «решенность» для себя идеи опережает ее фактическое воплощение, как об этом говорит Дубнов по поводу польского национализма.

Интересную типологию теоретических работ по проблеме самоопределения народов предлагает М. Зейну. Он считает, что вся совокупность работ по данной проблематике типологически тяготеет к двум основным идейно-политическим платформам: «Для одной из них (ненационалистической) характерно рассмотрение национального самоопределения как составной части социальных задач общественного развития, тогда как для второй (националистической в своей основе) характерно то, что национальное самоопределение интересует ее (платформы) сторонников как таковое, как самостоятельная проблема. В соответствии с чем в разработках, представляющих первую платформу, отражается зависимость проблемы национального самоопределения от общественного контекста (сюда относятся прежде всего работы интернационалистического и национально-нигилистического направления), между тем как в альтернативных им разработках названная проблема (как выражение приоритета национального фактора над социальным) трактуется по сути в своей данности, обособленности, вне связи с общественным целым (куда относятся в первую очередь работы мелкобуржуазной ориентации)»⁹.

Данная типология, на наш взгляд, несмотря на свои явные достоинства, не лишена и недостатков. Во-первых, увязка рассмотрения самоопределения как составной части социальных задач общественного развития с ненационалистической позицией, а альтернативных разработок с однозначно националистической (в первую очередь с мелкобуржуазной ориентацией) не вполне корректна. На самом деле представители «националистической в своей основе платформы» вполне могут рассматривать самоопределение народов в контексте задач общественного развития. С одной стороны, «националистам» (в каком бы смысле ни понимать этот термин) с необходимостью при-

ходится рассматривать самоопределение в русле более общих проблем, таких как национальный вопрос, национально-освободительное движение, федерализм, целостность государства и т.п. С другой стороны, в работах «интернационалистического и национально-нигилистического» направлений весьма эффективным приемом может служить именно рассмотрение национального самоопределения в его пределе, т.е. как лишенной связей с полиэтническим (многонациональным) обществом, государством, с целью оттенить все негативные последствия обособления. Из этих рассуждений вытекает, что рассмотрение проблемы самоопределения народов в связи с задачами общественного развития или в своей обособленности есть только методологический прием и он необязательно отражает мировоззренческие ориентации исследования. Кроме того, как мы показали выше, позиции «националистические» и «ненационалистические» в зависимости от обстоятельств вполне могут изменяться на противоположные – не по названию, конечно, а по сути.

Перейдем теперь к непосредственному анализу идейно-политических подходов к самоопределению народов. Рассмотрим вначале концепции отрицания принципа равноправия и самоопределения народов (таково полное название данного принципа), которые возникли одновременно с известным «принципом национальностей» в виде «принципов христианской нравственности» и доктрины «цивилизованных и нецивилизованных (отсталых) народов»¹⁰. Согласно этой доктрине, «нецивилизованные» народы объявлялись не способными самостоятельно решать свою судьбу, обладать государственным суверенитетом, вследствие чего любой «цивилизованный» завоеватель мог завладеть этим народом и его страной таким образом, как если бы она никому не принадлежала¹¹. Такая страна (или территория) получала статус «terra nullius». Аннексия считалась правомочной, если колониальный отряд «цивилизованной» державы первым водружал свой флаг на земле terra nullius¹².

Не следует думать, что лицемерная попытка оправдать варварскую и бесчеловечную захватническую политику подобного рода «научными» концепциями имела место только в мрачном средневековье или в начале Нового времени. «Право флага» достаточно широко применяется и в современных дискуссиях. Известно, что в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс отказывали в праве даже на культурно-лингвистическое самоопределение чехам, словакам и румынам. Комментируя позицию Дж.С. Милля, современный исследователь Э. Хобсбаум характеризует мнение Милля о том, что «одна национальность может слиться с другой и полностью в ней растворится» и для народов отсталых и слаборазвитых это будет немалой удачей, как «единое мнение здравомыслящих наблюдателей»¹³. Современный политолог В.В. Ильин, отрицая принцип равноправия и самоопределения народов, утверждает: «Россия – надэтническое образование, опекающее менее продвинутое в цивилизационном плане малочисленные народы. Крайние, рассыпанные по российской периферии этносы, национальные группы – социально неконкурентоспособны. Последнее подтверждает исторический и наличный опыт...»¹⁴.

По определению справочника «Что есть что в мировой политике», противопоставление интересов одной нации интересам других, объявляемых «неполноценными», квалифицируется как шовинизм¹⁵. Новейшее определение подчеркивает, что «основными положениями политической идеологии шовинизма являются: утверждение превосходства одной нации над другой; распространение в массовом сознании и психологии людей идеи исключительного превосходства одной нации над другими нациями и народами, что якобы, дает основание для господства этой нации над другими»¹⁶. Высказывания В.В. Ильина, бесспорно, подпадают под приведенные выше определения шовинизма.

В духе принципов «христианской нравственности» и доктрины «цивилизованных народов» высказывался в свое время и С.М. Соловьев: «Всем племенам Европы завещано историей выселить поселение в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени, славянскому – сухим путем»¹⁷. Сообщая

о бескровной, обеспеченной свободным расселением, а не государственным завоеванием (sic!) русской колонизации, В.В. Ильин пишет, что набирающие силу «плавные волны» колонизации сталкивались с характерными особенностями в виде: а) разрешенности колоссальных девственных пространств (ср. с тезисом о «terra nullius»); б) более низкого уровня местных цивилизаций, заинтересованных (!) в наращивании адаптационных потенциалов (тезис об отсталых, нецивилизованных народах)¹⁸.

Подобная позиция, построенная на одностороннем видении, прямом извращении фактов, способна только вызвать неприязнь и межнациональную вражду. В.В. Ильин вслед за своим дореволюционным предшественником В. Строгановым, прямо заявившим: «Мы хотим обрусения, мы хотим, чтобы они утратили свои национальные особенности и слились бы с русскими»¹⁹, в конце XX в. мечтал о следующем: «этнические русские сливаются с русифицируемыми группами (татары, карелы, коми, башкиры, чукчи, мордва, буряты, якуты, осетины, адыги, дагестанцы, тувинцы, ингуши, калмыки, чеченцы, кабардинцы, балкарцы, черкесы и др.) и наоборот»²⁰. И как следствие идеологической ангажированности автор делает совершенно нелепый вывод о том, что «мировой опыт не допускает модели действия согласно формуле права наций на самоопределение». А ведь именно благодаря действиям по этой формуле только в послевоенные годы возникло свыше 70 новых государств, в том числе таких крупных, как Индия, Пакистан, Индонезия и др.

Подобная антинациональная позиция часто служит «научным» обоснованием различных положений национальной политики. Так, В.А. Серов предлагает отказаться от суверенитета республик на том основании, что «вместо самоопределения народа удовлетворяются узкогрупповые интересы этнополитических элит в обмен на их лояльность центру»²¹. Безусловно, данное явление имеет место в российской действительности. Но что В.А. Серов предлагает взамен? Дать возможность народам действительно самоопределиться? Нет, он предлагает лишить республики национально-государственного статуса, вызвав к жизни десятки новых «Ичкерий» по всей России. Более того, его предложение способно вызвать обвинения Центра в том, что он не выражает интересы народов России, а преследует узкогрупповые олигархические интересы, в подтверждение чего при желании можно найти весомые аргументы.

Некоторые этнологи полагают, что право народов на самоопределение – это заблуждение XIX и XX вв. С их точки зрения, сохранение этого права на вооружении национальной политики может грозить развалом многонационального государства. Вряд ли эти исследователи, отрицая право на самоопределение и называя его заблуждением, не знают, что реально этого принципа на вооружении национальной политики в России никогда не было и что «принцип самоопределения народов» – один из основных императивных принципов современного международного права. Его полная формулировка – «принцип равноправия и самоопределения народов» (п. 2 ст. 1 Устава ООН). В качестве общепризнанного принципа международного права он впервые был зафиксирован в 1945 г. в уставе ООН (п. 2 ст. 1, а также ст. 55, 73, 76). Обще-признанное конвенционное толкование его международно-правовой сущности было закреплено в 1966 г. в аналогичной по содержанию ст. 1 пакта о правах человека от 1966 г., где сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие»²². Отрицание права народов на самоопределение, как видим, означает отрицание их равноправия, т.е. утверждает дискриминацию.

Нет необходимости останавливаться на моральной оценке отрицания равноправия народов – ясно, что это проявление антигуманности и шовинизма. Поскольку все общепризнанные принципы международного права взаимосвязаны и взаимообусловлены, то отрицание одного из них, а именно равноправия народов, важнейшая составляющая которого – право народов на самоопределение, ломает всю систему международного права. Именно поэтому отрицания любого общепризнанного принципа международного права «в силу того, что они отражают совершенно бесспорные основы существования

человеческого общества, являются обязательными для выполнения любыми государствами, независимо от того, согласны они с этими принципами или нет, в правовом отношении не правозаконны»²³.

В связи с этим исключение права народов на самоопределение из конституций государств, которое часто используется на практике, не имеет никакой правозаконной силы, а есть только политический прием, показатель демократичности данного государства и его отношения к национальному вопросу. Теоретическим предтечей элиминации принципа самоопределения служит известный принцип легитимизма идеолога абсолютизма Ф.Р. Шатобриана, закрепленный в решениях конгрессов Священного Союза. Как всякий консервативный принцип он отвергается «революционерами» на стадии политической борьбы и берется на вооружение после их победы в целях фиксации и консервации нового status quo. Как справедливо отмечает М. Зейну, отсутствие в Конституции права на самоопределение вовсе не означает, что этим снимается проблема; напротив, в этом случае вероятность того, что процесс самоопределения примет сепаратистскую форму, увеличивается²⁴.

Поскольку право народов на самоопределение есть естественное неотъемлемое право любого народа, его отрицание означает возможность предъявления претензий на легитимность любого государства как возникшего не в результате волеизъявления народа. Трудно не согласиться с Г.В. Шармазанашвили и А.К. Цикуновым, что «суверенитет государств, их само существование не витает в воздухе, а строится на основании народного суверенитета»²⁵. Принцип равноправия и самоопределения народов потому и является универсальным и императивным, что он распространяется на все народы, признает их равноправие независимо от численности, индустриальной мощи, расы и т.п.; в силу этого он есть гуманистический и демократический принцип.

Поскольку никому не хочется прослыть шовинистом, обычно отрицание права народов на самоопределение сопровождается предложением (в виде некоего одолжения тому или иному народу) национально-культурной автономии (НКА). Однако нелогичность и противоречивость в позициях отрицателей права на самоопределение проявляются и здесь, поскольку НКА есть одна из форм самоопределения народов; отрицая права народов на самоопределение в принципе, отрицают в первую очередь национально-культурную автономию как форму последнего.

Заканчивая эту часть наших рассуждений, согласимся с тем, что «отказ от самоопределения вплоть до отделения, внешне якобы способствующий сохранению целостности многонационального государства, на деле работает в противоположном направлении, заключая в себе дезинтегрирующую функцию. В этом реальная диалектика данного принципа, которая представляет собой частный случай диалектики свободы и необходимости»²⁶.

Следующим по времени появления следует считать колониальный принцип так называемого права эффективной оккупации. Он возник в результате попытки разрешения острых противоречий между имперскими государствами на Берлинской конференции 1884–1885 гг., в которой приняли участие Австро-Венгрия, Германия, Дания, Испания, Россия, Италия, Франция, США и Швеция. Согласно «праву эффективной оккупации», земля «terra nullius» становилась собственностью захватившего ее государства при следующих условиях: установления флага; осуществления реальной власти; официального уведомления об этом участников соглашения. Очевидно, что о правовом характере подобного рода «права» говорить не приходится. Само правило как теоретическая доктрина еще больше усугубляло противоречия имперских держав: любая из них, пользуясь поводом «неэффективной оккупации», могла осуществлять передел колоний или подрывать мощь противника, в том числе путем прямой поддержки коренных повстанцев. В современных условиях принцип «эффективной оккупации» также используется в идейно-политической борьбе. Вместе с тем из-за своей амбивалентности он воспринимается уже не как «право», а лишь как отражение фактических, но все-таки преходящих обстоятельств.

Еще одна разновидность отрицания принципа самоопределения – это отрицание

права на самоопределение за отдельными субъектами права. Так, А.И. Цюрупа полагает, что вследствие подмены большевиками понятий место «народа» заняла «нация» – этнологическое понятие²⁷. Д.О. Рогозин, признавая за нацией право на самоопределение, отрицает таковое у «народов»²⁸.

Существуют концепции отрицания права на самоопределение таких субъектов, как народ, нация, этнос, и признания права на самоопределение только за государством. Однако подобные подходы противоречат международно-правовому толкованию субъекта самоопределения, в целом разделяемому автором статьи. В частности, такое определение дается Ф. Листом: «Народ – субъект международно-правовой системы прав народов. Народ впервые стал общепризнанным субъектом международного права в 1945 году в результате закрепления в Уставе ООН принципа «равноправия и самоопределения народов...»²⁹. В цитирувавшемся выше словаре-справочнике «Международное право» констатируется, что «судя по мировой практике осуществления права народов на самоопределение, в том числе в тех случаях, когда это происходило под наблюдением ООН, понятие "народ" включает племя, группы племен, народность, этническую нацию, религиозную общность, языковую общность»³⁰. В данном определении отражен многовековой опыт взаимоотношений между народами и государствами, что нашло отражение в научно-теоретическом обосновании прав народов на основе принципа равноправия и самоопределения народов.

Перейдем теперь к анализу теоретических концепций условного, или ограниченного, признания принципа самоопределения народов. Первоначально право на самоопределение в форме «принципа национальностей» утверждалось как естественное право на самостоятельное государство каждой европейской нации. Правда, принцип национальности не распространялся на «нецивилизованные» народы и был ограничен «принципом порога», или «минимальной достаточности», согласно которому «непременными условиями существования нормальной нации являются многочисленное население и обширная территория, обладающая разнообразными ресурсами... Маленькое государство никогда не сумеет довести до полного совершенства различные отрасли производства»³¹. Практическая реализация «принципа национальностей» привела к образованию объединенной Германии, Италии, Швейцарии, Ирландской Республики, США и других государств. Таким образом, «принцип национальностей» не распространялся как на «неисторические», «нецивилизованные народы», о чем говорилось выше, так и на довольно многочисленные европейские народы, подпадавшие под действие «принципа порога».

На карте Европы, составленной в 1857 г. Мадзини, было не более двух десятков государств. В высказываниях представителей науки ведущих государств преобладало мнение, что в будущем цивилизованный мир в течение долгого времени ожидает создание крупных государств. Характерна в этой связи позиция К. Маркса и Ф. Энгельса, отказывавших в перспективе на самостоятельное существование славянским народам (словакам, чехам и др.)³². Совмещение тезиса о нецивилизованных народах и ограниченного самоопределения наблюдается и во взглядах известного социолога П. Сорокина. Допуская в теории автономию для отдельных национальностей, он утверждает, что культурные и достаточно многочисленные народности должны получить более широкую автономию, малочисленные – более узкую³³.

Другой прием ограничения права на самоопределение – признание такового только за отдельными субъектами либо отрицание субъекта как такового. Так, уже цитированный В.В. Ильин утверждает: «В России 176 этносов, но одна нация. Этнос имеет святое право на свой образ жизни, данный через культуру, но не может требовать права на государственное самоопределение»³⁴. Что касается попытки приписать господствующей нации (этносу) исключительного права на самоопределение посредством декларации якобы «единой нации» в многонациональном государстве (как в свое время единой общности – «советского народа»), то «если диктаторскому или полиэтническому национализму не удастся создать нацию, которая сама в большинстве желает быть нацией, он способен породить только псевдонацию... Подобная

государственная псевдонация лопается как мыльный пузырь, едва только люди получают возможность высказать свою волю»³⁵.

На наш взгляд, попытка провозгласить взамен «советского народа» «российскую нацию», этнической подкладкой которой выступает «синтетический российский супер-этнос» (?)³⁶, есть не только неудачная, но и опасная попытка перенести идеи западного конструктивизма на совершенно иную цивилизационную почву. Как показал Э.В. Тадевасян, национальный и этнотерриториальный нигилизм тесно связан с пост-модернистским подходом, отрицанием объективной реальности этнонациональных общностей и истолкования их в качестве следствия чисто субъективных установок³⁷. Этнос, включенный в новую нацию, но не интегрированный в нее окончательно, может в определенный момент развития гражданского общества «очнуться» и начать борьбу за национальное освобождение. Ситуация в Квебеке, Северной Ирландии, на севере Италии, во фламандской Бельгии и Стране басков показывает, что процесс генезиса наций в странах, реализующих модель национального государства, явно не завершился³⁸. Впрочем, на этот счет, хотя и по несколько иному основанию, в свое время четко высказывался В.И. Ленин: «Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, только трудящиеся массы – это будет пустяковиннейшей вещью. Не признавать того, что есть – нельзя: оно само заставит себя признать»³⁹. Не случайно многие исследователи отмечают родство конструктивизма и инструментализма с неомарксистским течением общественно-политической мысли. Фактически задача «сконструировать» пролетарскую нацию ставилась в «Манифесте Коммунистической партии» в виде тезиса о том, что пролетариат должен «подняться до положения национального класса, конституироваться как нация»⁴⁰.

«Есть рамки, внутри которых оно (самоопределение. – И.С.) может существовать... это не значит, что для каждого народа оно обеспечено до последней степени... Но кто может сказать, где начинается, а где кончается понятие "народ"?» – вопрошает Т. Смит⁴¹. На наш взгляд, проблема искусственно усложнена: сказать, где начинается и кончается народ, может только он сам, ведь речь идет именно о «самоопределении».

Один из широко используемых приемов в концепциях отрицания принципа самоопределения народов – подмена понятий и ложные ассоциации. Поскольку напрямую отрицать принцип самоопределения с демократических позиций невозможно, то используются косвенные методы. Например, говорят, что принцип самоопределения народов может служить источником межнациональных конфликтов (после распада Югославии, СССР и т.п.). При этом умалчивают о противоположном опыте, к примеру, о мирном и цивилизованном отделении Норвегии от Швеции в 1907 г., когда принцип равноправия и самоопределения народов не был еще закреплён в качестве императивного принципа. Свежий пример самоопределения чешского и словацкого народов также в лучшем случае объясняется исключительно европейским опытом. Однако квебекский референдум, опыт отделения Сингапура от Малайской Федерации, субъектом которой он был, и ряд других примеров убедительно демонстрируют, что и в Америке, и в Азии цивилизованные народы решают эту задачу цивилизованными методами. Негативная политико-практическая реализация принципа самоопределения – не показатель его (принципа) недемократичности, а результат нежелания следовать этому принципу или его извращения той или иной политической элитой в зависимости от её общей и политической культуры.

Часто используемый вместо понятия «самоопределение» термин «сепаратизм» также ничем не обоснован. Во-первых, сепаратизм есть отделение от целого; самоопределение же может преследовать цель разделения общего в случае, если народ (сам по себе целое) не желает оставаться частью общего (федерации, империи). Во-вторых, на отделение (создание отдельного государства) как форму самоопределения имеют право именно народы, тогда как на иные формы – другие социальные и этносоциальные общности. Одно дело – права национальных меньшинств и национальных (этнических) групп и совсем другое – права народов, проживающих на своей исторической родине. На государственное самоопределение на своей территории име-

ют право народы (нации), а не национальные меньшинства или этнические группы. При этом то обстоятельство, что народы имманентно обладают правом на самоопределение, вовсе не означает, будто они воспользуются им именно в форме государственного самоопределения. Не вызывает сомнения, что выбор народом конкретной формы и методов реализации своего права на самоопределение зависит в целом от того, насколько демократично данное государство, насколько полно соблюдаются в нем права человека и народов и осуществляются на деле равноправие народов и уважение к их духовной культуре.

Зачастую позиция ограниченного признания принципа самоопределения народов объясняется интересами экономики, управления, интернациональными задачами государства. «Интернационализм» в политике власти в этом случае означает унитаризм и как следствие – национальный нигилизм. При этом, правда, собственно национальные задачи так называемого государствообразующего этноса (в первую очередь языковые, культурные, социально-экономические) представляются как общегосударственные, что не может не вызвать раздражения и недовольства со стороны других народов. Однако и предоставлением формального равноправия не могут быть сняты объективные противоречия в межнациональных отношениях. На самом деле государство в лучшем случае может пытаться решать национальные проблемы в русле своих собственных социально-политических задач и только в той мере, в какой эти задачи совпадают с собственно национальными. Соподчиненность национальных проблем социально-политическим и составляет объективное противоречие общественно-политической жизни многонационального (полиэтнического) государства, которое, будучи перенесено в плоскость межнациональных отношений, вызывает противоречие уже в этой плоскости. Следовательно, этим обстоятельством порождается необходимость специальной национальной политики государства, которая позволяла бы учитывать особенное в равноправии народов, то, что не подлежит унификации, позволяет сохранять национальную уникальность и своеобразие. В противном случае удовлетворение собственно национальных интересов и потребностей со стороны государства объективно требует создания собственных политических институтов (т.е. перерастает в требование государственного самоопределения), что переводит право народа на самоопределение из потенциального в актуальное.

После распада Советского Союза и устранения монополии коммунистической идеологии стали популярными утверждения, что принцип самоопределения народов изобретен большевиками или социал-демократами: «Формула эта (право наций на самоопределение), перекочевавшая к нам из западноевропейского социал-демократического лексикона, применительно к почве использовалась из принятой большевиками общей наступательной ноты»⁴².

Рассмотренный нами выше «принцип национальностей» (исторически первое теоретическое обоснование принципа самоопределения народов) был разработан отнюдь не социал-демократами. Из того факта, что коммунисты умело использовали в своих целях принцип самоопределения народов (по этому поводу А. Авторханов не без сарказма замечает, что если бы Ленин родился в Британии и там пришел к власти, Британская империя существовала бы и поныне), вовсе не следует, что они сделали особый вклад в теорию рассматриваемого принципа. Как отмечает А.Г. Вишнеvский, «на самом деле ничего научного, специально социалистического или марксистского в подобных взглядах на будущее империй – хоть российской, хотя австрийской – не было»⁴³. Позицию большевиков (причем в разные годы) характеризуют их высказывания по поводу самоопределения народов. Так, в 1913 г. В.И. Ленин писал: «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁴⁴.

А.Г. Вишнеvский отмечает, что события 1917 г. повлияли на тактику большевиков в национальном вопросе, но не на ее сущность. Теперь уже и федерация стала казаться благом противникам распада империи, как пишет он. В написанном Лениным проекте «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» провозглаша-

лось, что «Советская Российская республика учреждается как федерация Советских национальных республик». Но едва ли в этом можно видеть полную перемену взглядов Ленина и большевиков. Вся последующая их деятельность направлена на восстановление империи и строится на сочетании декларируемого федерализма и осуществляемого централизма. По существу это же утверждали и евразийцы: выбор «основных форм политического бытия» они приписывали «народной стихии, а не коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями»⁴⁵. А ведь в те годы В.И. Ленин принципы самоопределения и федерализма отстаивал фактически в одиночестве. При принятии второй программы партии (1919 г., VIII съезд РКП(б)) принцип самоопределения наций, зафиксированный в первой программе РСДРП(б) (1903 г.), Ленин отстоял в тяжелой дискуссии с другими вождями большевизма с огромным трудом.

Приведем несколько высказываний видных большевиков на VIII съезде партии. Н.И. Бухарин: «Понятие нации включает в себя все классы данного общества. Поэтому, поскольку мы держим сейчас курс на пролетарскую диктатуру, мне кажется, мы не можем выставлять лозунг права нации на самоопределение». С.Д. Рязанов: «У нас сделано так мало в смысле политическом, что нападши внезапно на этот лозунг, мы рискуем не только в международном масштабе, но и во внутреннем российском масштабе. Это может привести к неожиданным и ненужным последствиям». С.Г. Пятаков: «... все это пресловутое «самоопределение» не стоит выеденного яйца. Это просто дипломатическая игра, которую в некоторых случаях нужно играть, или, что хуже, чем игра, если мы берем это всерьез». С.М. Томский: «Я думаю, в этом зале не найдется ни одного человека, который сказал бы, что самоопределение наций, национальное движение являются нормальным и желательным. К этому мы относимся как к неизбежному злу»⁴⁶.

В письме «О нации» Н.А. Бердяев писал о большевиках: «... вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности. Вы провозгласили право свободного самоопределения национальностей, нисколько не интересуясь самими национальностями и даже не веря в существование такого рода реальностей. Вам нужно это "свободное самоопределение" как способ борьбы за ваши политические и социальные идеалы, а отнюдь не за конкретное национальное бытие, не за национальный расцвет»⁴⁷.

Не следует забывать и того факта, что после окончания первой мировой войны и раздела колоний проигравших государств (Германия, Италия, Турция) в целях закрепления нового мирового порядка была создана Лига Наций. В Хартии Лиги Наций устанавливалась новая форма колониальной зависимости, когда государства-мандатарии управляли подмандатными территориями, которые, как говорилось в п. 1 ст. 22, еще «не способны самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира»⁴⁸ (атавизм тезиса об отсталых народах). Однако реальный ход общественно-политических процессов как в России, так и в мире подтолкнул к использованию в политической аргументации принципа самоопределения народов и (вынужденно) к его практической реализации в отдельных случаях. Теоретическое значение ленинского Декрета о мире, Декларации прав народов России и программы послевоенного демократического преобразования послевоенного мира президента Вудро Вильсона (14 пунктов Вильсона) состоит в том, что впервые принцип самоопределения распространился на все народы, т.е. стал всемирным.

Необходимо подчеркнуть, что сразу же вслед за этим возникли концепции условного самоопределения. Если в Советской России в качестве такого условия выдвигалось самоопределение пролетариата данной нации или страны, то в США условием самоопределения стал принцип «конституционной легитимности». Эти концепции, не имея особого теоретического значения, служили идеологическим обоснованием экспансионистской политики. Так, Советская Россия оказала «интернациональную помощь» в разные годы народам Северного Кавказа, Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Украины, Венгрии, Чехословакии, Афганистана и др. Соединенные Штаты в свою

очередь «восстанавливали» конституционную легитимность в Советской России, Доминиканской Республике, Вьетнаме, Камбодже, Гренаде, Панаме и других странах. Следует признать, что в применении принципа самоопределения народов в идеологических целях более преуспели коммунисты. По этому поводу Э. Хобсбаум пишет: «... сочетание социальных и национальных требований оказывалось в целом гораздо более эффективным способом мобилизации масс на борьбу за независимость, нежели чисто националистические лозунги. Влияние последних ограничивалось недовольными слоями мелкой буржуазии, для которых националистические идеи были или казались заменой социально-политической программы»⁴⁹.

На наш взгляд, дело не только в более широкой социальной базе борьбы за независимость или иной политической статус, но главным образом в том, что в этом случае выдвигается требование самоопределения народа в его полной форме, т.е. сочетание внешнего (государственного) и внутреннего (социально-экономического и культурного) самоопределения, что и обеспечивает его резонансный характер. В самом деле, социально-экономические задачи угнетенного народа в рамках чужого государства практически могут решаться только в том случае, если они совпадают с социально-экономическими целями так называемого государствообразующего народа, или, другими словами, соответствуют социальному порядку данного государства. В противном случае справедливые социальные требования угнетенного народа искусно переводятся правящей элитой в плоскость межнациональных отношений, в национальное противостояние через механизм противопоставления интересов. В отличие от классового противостояния конфликт интересов в национальном противостоянии мгновенно переводится в конфликт ценностей. Таким образом, в сознании угнетенного народа складывается мнение, будто его социально-экономические и духовные потребности в рамках данного государства неосуществимы.

Эксплуатируемые классы предпочтут остаться один на один с привилегированными классами, ибо в этом случае задача социального реформирования облегчается. Очевидно, и элита угнетенного народа заинтересована в полном самоопределении как способе устранения доминирующих конкурентов и одновременно социального сплочения нового общества. Будет ли подобный сценарий реализован или примет иную направленность – зависит от множества факторов. Несомненно одно: решение социально-экономических и духовных проблем народа, уважение его прав, не давая полной гарантии отказа от требований им государственного самоопределения, выступают необходимым условием для его выбора в пользу сохранения целостности государства. Представляется, что не менее важным условием такого единства является позитивная направленность идейно-политических подходов к принципу равноправия и самоопределения народов в кругах политической и научной элиты многонационального государства.

Примечания

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 102–126.

² Старушенко С.Б. Принцип равноправия и право народов распоряжаться своей судьбой // Курс международного права. Т. 2. М., 1989. С. 175.

³ Французская буржуазная революция 1789–1794 гг. М., 1941. С. 537–538.

⁴ Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение США. Т. 1. М., 1951. С. 313.

⁵ Панарин А.С. Философия политики. М., 1966. С. 398.

⁶ Рильф И. Избр. Соч. Сифрият-Шорашим, 1883. С. 122.

⁷ Жаботинский З. Соч. Ч. 1. 1926. С. 303.

⁸ Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе. СПб., 1907. С. 31.

⁹ Зейну М. Проблема национального самоопределения: общее и особенное. Дис... канд. филос. наук. М., 1993. С. 7.

¹⁰ Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник. Ростов н/Д, 1997. С. 307.

¹¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 18.

¹² Опенгейм Л. Международное право. Т. 1. М., 1948. С. 65–67.

¹³ Хобсбаум Э. Указ. раб. С. 56.

- ¹⁴ Ильин В.В. Политология. М., 1999. С. 429.
- ¹⁵ Что есть что в мировой политике. Словарь-справочник. М., 1987. С. 451.
- ¹⁶ Политология... С. 564.
- ¹⁷ Соловьев С.М. Избр. тр. М., 1883. С. 28.
- ¹⁸ Ильин В.В. Указ. раб. С. 395.
- ¹⁹ Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. СПб., 1912. С. 146.
- ²⁰ Ильин В.В. Указ. раб. С. 391.
- ²¹ Серов В.А. Государственное начало России: взаимодействие русского и северокавказских народов // Социально-этнические проблемы России и Северного Кавказа на исходе XX века. Ростов н/Д, 1997. С. 80.
- ²² Додонов В.Н., Панов В.М., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник. М., 1997. С. 290.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Зейну М. Указ. раб. С. 14.
- ²⁵ Шармазаншвили Г.В., Цикунов А.К. Право народов и наций на свободу и независимость. Критика буржуазных концепций. Учеб. пособие. М., 1987. С. 14.
- ²⁶ Додонов В.Н., Панов В.М., Румянцев О.Г. Указ. раб. С. 290.
- ²⁷ Цюрупа А.И. Национальный инстинкт как предмет научного исследования // Полис. 1993. № 3.
- ²⁸ Rogozin D.O. Аспекты российского кризиса и проблемы международной безопасности // Там же. 1994. № 4.
- ²⁹ List F. The National System of Political Economy. L., 1985. P. 175–176.
- ³⁰ Додонов В.Н., Панов В.М., Румянцев О.Г. Указ. раб. С. 174.
- ³¹ List F. Op. cit. P. 175.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 289–306.
- ³³ Сорокин П. Автономия национальностей и единство государства. Пг., 1917. С. 15.
- ³⁴ Ильин В.В. Указ. раб. С. 529.
- ³⁵ Ян Э. Демократия и национализм: Единство или противоречие? // Полис. 1996. № 1. С. 40.
- ³⁶ Ильин В.В. Указ. раб. С. 534.
- ³⁷ Тадевасян Э.В. Российский федерализм и современный национально-государственный нигилизм // Государство и право. 1996. № 10. С. 4–6; *его же*. Этнонация: миф или социальная реальность? // Социс. 1998. № 6. С. 61.
- ³⁸ Яковенко И.Г. От империи к национальному государству // Полис. 1996. № 6. С. 118.
- ³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.
- ⁴⁰ Там же. Т. 4. С. 444.
- ⁴¹ Правовые аспекты чеченского кризиса. М., 1995. С. 56.
- ⁴² Ильин В.В. Указ. раб. С. 392.
- ⁴³ Вишневский А.Г. Единая и неделимая // Полис. 1994. № 2. С. 31.
- ⁴⁴ Ленин В.И. Указ. раб. Т. 24. С. 140.
- ⁴⁵ Вишневский А.Г. Указ. раб. С. 33.
- ⁴⁶ VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.
- ⁴⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 91.
- ⁴⁸ Международное право в избранных документах. Т. 2. М., 1957. С. 82–83.
- ⁴⁹ Хобсбаум Э. Указ. раб. С. 199.

I.M. S a m p i e v. Self-determination of peoples: an analysis of ideological and political approaches

No examination of such a complex sociopolitical phenomenon as self-determination of peoples is possible, as the article states, without an analysis of the existing ideological and political approaches to it. In the opinion of the author the ideological-theoretical trends in the matters of self-determination of peoples are determined (dependent on) by the specific features of the very subjects (of self-determination). Any political analyst belongs not only to a certain theoretical current and a certain political and social basis affecting him but also to a certain people (a nation, an ethnos).